

ВСПОМИНАЯ СМЕРТЬ

В 1959 году гибель туристической группы Игоря Дятлова в окрестностях горы Холатчахль на севере Свердловской области прошла почти незамеченной. Волновались студенты УПИ, поплакали старухи на кладбище, кто-то из родных ходил по инстанциям, требовал «наказать и принять меры». Председателя правления спортклуба УПИ сняли с работы, потом, впрочем, восстановили. И все. Вскоре история практически забылась: легендарную палатку выбросили, вещи из похода, которые следствие вернуло родным, никто не сохранил.

Спрос на героикку шел на убыль, и народ выбирал уютный застой. Спустя 30 лет эта трагедия неожиданно вернулась в массовое сознание, вернулась уже окрепшей и окруженной мифом, жестоким и причудливым. В этом мифе есть злые диверсанты, смертельные лавины, беглые зэки, манси, военные испытания, радиоактивность, всесильное ГБ и его агенты, снежный человек и даже НЛО. Чего в нем только нет! Черно-дырная, засасывающая дятловская мифология рождала фантазии одну странней другой.

Во второй половине 50-х в СССР «самодеятельный» туризм получил массовое распространение. Слеты туристов проходили по всей стране, туризм вошел в моду. Из всех видов спортивного туризма именно лыжный приобрел особую популярность.

Так юноши и девушки, вчерашние дети жуткой войны, уходили в своего рода внутреннюю эмиграцию. На дворе 1959 год. Три года прошло после эпохального XX съезда, но Сталин лежит в Мавзолее, и трудящиеся еще носят портреты вождя на демонстрациях. Активная десталинизация начнется позже, с 1961-го. Выполняя на людях советские ритуалы, и, возможно, даже веря в скорое построение коммунизма, человек как мог скрывался от прессинга системы. Одни бежали в тотальную закрытость своего микромира — района, двора, семьи, другие — в водку, третьи в горы, в туризм.

Вскоре бородач в свитере и с гитарой (геолог, турист) вошел в массовое сознание как человек, живущий в мире высокой свободы, пребывающий если не вне системы и вне советской реальности, то по крайней мере на ее периферии.

В фильме К. Муратовой «Короткие встречи» (1967 г.) в геолога Максима влюблены и высокопоставленный работник райкома, и юная труженица общепита. Само имя Максим (большой, великий) уже говорит о многом. И конечно у него гитара в руках. Куда же без нее.

В «Неотправленном письме» Калатозова (1959 г.) геологи-герои бьются со стихией, со смертью, как бились со смертью и стихией альпинисты в жестокой «Вертикали» (1966 г.).

Он романтичен, он не смешон, этот геолог или турист, как, пожалуй, он смешон сейчас, в нашем мире бытового комфорта и личного отчуждения. Но тогда, в 1959-м, этот герой красив и молод, он поет песни и пахнет спиртом и дымом костра. И главное, он свободен, он чуть ли не «новый человек»

русской литературы, да что там — он почти что «нигилист»! Но реалии окружающей жизни были таковы, что даже дни свободы этого «нигилиста» проходили под эгидой XXI съезда КПСС. (Напомню, поход группы Дятлова был формально посвящен внеочередному XXI-му съезду партии.)

В истории смерти девятерых людей на перевале Дятлова есть что-то одновременно и высокотрагедийное, и что-то очень советское. Античная драма перемешалась с советской бестолковщиной. Без должного снаряжения (плохое снаряжение отмечалось уже в материалах уголовного дела, да и то, что было при несчастных туристах, взято с боем, хитростью и смекалкой в спортклубе своего института) — сшитая из двух старая палатка, подвесная печь конструкции самого Дятлова, способная эту палатку сжечь, непригодные сани, сконструированные еще одним дятловцем Колеватовым, экономия каждой копейки на билетах, на столовой, плохая еда плюс непонимание собственных сил и возможностей — так группа Дятлова ушла в мир иной.

Не слушали, не хотели слышать предостережения местных лесников и охотников, не услышали голос Мойры. (Один, самый юный участник похода Ю. Юдин услышал этот голос и с маршрута сошел — жил потом как сомнамбула, ни семьи, ни детей; приходил на Михайловское кладбище в Свердловске, к могиле своих сгинувших на Перевале друзей, и бормотал — я там, я с ними.)

Что их убило? Или кто? Гипотезы множатся и по сей день. Думается, холод и ветер — более умелые убийцы, чем любые диверсанты и любая вохра. Это Природа и ее мистическая составляющая — Рок, Судьба, сила более мощная, чем боги. Та самая «стихийная сила, преодолеть которую они были не в состоянии» (вывод прокурора Л. Иванова, расследовавшего дело гибели тургруппы).

В этом походе было все: и возвышенность отношений, и любовь; был свой позер с трубкой, своя веселая красавица, свой синий чулок, свой любовный треугольник, свой сердцеед, свой «Шурик», собравший магнитофоны, свой «дядька», фронтовик-орденоносец, свой лопухий весельчак, был даже свой француз. Читаешь сохранившиеся дневники участников похода — наивные мысли, чистые радости, детские обиды. Так и отправились в Тот Свет, детьми.

Говорят, смерть от замерзания не самая жестокая. На первой стадии возникает гиперактивность и чувство эйфории, дальше — апатия, сонливость, безразличие. Человек засыпает, погружается в кому, сердечный ритм нарушается, останавливается сердце. От кислородного голодания погибает мозг.

В атеистическом сознании советского человека смерть была одним из главных составляющих жизни и едва ли не главным религиозным опытом. Но не мог этот человек сказать вслед за Толстым, что «смерть есть только перемена должности». Не смел и не понял бы смысла сказанного. «Должность» советского человека оканчивалась с его смертью.

Сегодня, по прошествии 60 лет, загадочная история гибели группы Дятлова — не столько повод говорить о самом событии или о версиях

случившегося, сколько предлог для того, чтобы вспомнить о вечности, ожидающей каждого из нас, высказаться о хрупкости наших тел и о бессмертии наших душ.

У каждого свой Перевал, своя битва с обстоятельствами, невзгодами и стихией. Казалось бы, что нам Дятлов? И какое нам до него дело? Но выясняется, что и в такой далекой от нас истории есть кому сочувствовать, кого жалеть и чью гибель остро переживать. Эта выставка о Жалости. О личном трагическом переживании, наконец.

Андрей Кузьмин